

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Хироюки Хориэ на тему «Понятие личности в философии С.Н. Булгакова в ранний период с 1900 по 1912 г.», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии

Диссертация Хироюки Хориэ посвящена довольно широко обсуждаемой в последнее время как в рамках философских, так и в рамках богословских дискуссий проблеме – вопросу о роли понятия «личность» в русской религиозной мысли и, косвенно в связи с этим, - вопросу о его роли в православном богословии. Несомненно, раннее творчество С.Н. Булгакова – крупнейшего представителя русской религиозной философии и русского богословия XX века – имеет в этой связи первостепенное значение. Его анализ позволяет приблизиться к ответу на два весьма существенных для этой проблемы вопроса: 1) каковы философские и общекультурные истоки персонализма, как протекало его становление? и 2) справедливы ли упреки в имперсонализме, предъявляемые «софиологическому» направлению в русской мысли начиная с Вл. Лосского, или напротив, именно разработка этого понятия Соловьевым, Булгаковым и др. сделала вообще возможным этот богословский персонализм, который затем, сильно упростив и схематизировав сложную тему личности, попытался «замести следы» и отказаться от явного для непредвзятого взгляда родства? Именно этим и определяется актуальность работы.

Несмотря на то, что проблеме личности и субъективности у Булгакова уже посвящена определенная литература, диссертация Хироюки Хориэ вносит в эту дискуссию серьезный вклад и обладает несомненной новизной – автор впервые предлагает столь детальный и подробный анализ представления о человеческой личности, ее месте в мироздании и ее структуры, как они представлены в первой философской монографии Булгакова – книге «Философия хозяйства» (1912). Существенно, что эта булгаковская персонология излагается не сама по себе, а встраивается в целостный контекст мировоззрения русского мыслителя, как оно представлено в данной книге – в контекст видения мира как хозяйства. Этому предшествует чуть менее подробный, но также весьма ценный очерк становления идеи личности у раннего Булгакова, в тот период, который автор называет «ранний

религиозно-идеалистический» – также предваряемый описанием общего становления мысли философа – и краткий предварительный обзор традиционного понимания личности в русской мысли.

Остановлюсь подробнее на персоналогии «Философии хозяйства», поскольку именно ее детальное, «насыщенное описание» представляется мне главным достижением диссертации.

Разворачивая свое понимание «личности» в «Философии хозяйства» автор, с одной стороны, описывает место личности в ее соотношении с целым мирозданием и, с другой, раскрывает собственную структуру личности как «самополагающего субъекта».

В первом случае, в центре внимания автора находится отношение булгаковской концепции к «платоновско-идеалистической модели мироздания» – в какой мере булгаковское антропологическое мышление этой модели соответствует, а в какой выходит за ее пределы. Другой важный вопрос, раскрываемый в диссертации в связи – вопрос о том, как соотносится человечество как «субстанциальный единый субъект» и индивидуальная эмпирическая человеческая личность. В этом отношении автору удается отстоять в целом персоналистический характер булгаковской мысли, показав, что несмотря на значительное присутствие элементов всеобщего, всеединного социального в «Философии хозяйства», «одной из ключевых задач Булгакова было утверждение образа индивидуальной личности, поддерживающей такое соотношение с другими индивидуальными личностями, в котором каждая личность, с одной стороны, сохраняет свою автономность, спонтанность, активность, свободу, целостность, уникальность, созидательность, нравственную ответственность... с другой стороны находится в гармоническом взаимоотношении с другими личностями и общей структурой мира» (стр. 159).

С этим тесно связано производимое автором во втором подразделе второго раздела второй главы работы выделение слоев человеческой субъективности. Там «слоев» автор насчитывает пять, постепенно переходя от наиболее общего, поверхностного свойства человеческой субъективности – ее самополагания, к более специфическим: «объективному действию» самополагающего субъекта, снятию оппозиции субъекта и объекта благодаря понятию «бессознательного в деятельности» и принятию самополагающим субъектом собственной идеальной «богоданной осно-

отношения к «самости», включающего и «борьбу с самим собой», как необходимому условию становления субъективности.

Получаемая в итоге картина человеческой субъективности, сама по себе чрезвычайно богатая, представляет собой, как уже говорилось, новый шаг в осмыслении «Философии хозяйства» и творчества раннего Булгакова в целом. О резюмируется в заключительном разделе второй главы и в Заключение к диссертации в целом.

Перейдем теперь от достоинств к недостаткам работы.

Прежде всего, вызывает недоумение предварительный обзор «русских традиций понимания личности» (стр. 17–32). Этих традиций автор насчитывает две: «социологическое понимание личности у русской интеллигенции XIX века» (стр. 17–27) и «православное богословское понимание личности» (стр. 27–32). Такой подход, с одной стороны, крайне обедняет персоналогические традиции русской мысли, с другой – выходит за рамки того, что требует актуальный контекст диссертации.

Обедняет, потому что «за бортом» остаются 1) понимание личности славянофилов (краткие замечания о Хомякове и И. Киреевском странным образом оказались вставлены в описание «социологической» традиции); 2) метафизический персонализм русских неолейбницеанцев (Лопатин, Аскольдов, Н. Лосский, множество других авторов); 3) проблематика личности в традиции, восходящей к И. Соловьеву (что очень странно, учитывая, что именно к этой традиции относил себя сам Булгаков); 4) персонализм экзистенциальный (Несмелов, Бердяев, Шестов и др.); 5) вклад очень существенно повлиявшего на Булгакова Ф.М. Достоевского. понимаю, что *кратко* описать все это многообразие во вводном разделе – довольно сложная задача, следовало, однако, хотя бы упомянуть об этих традициях и их роли в становлении мысли Булгакова. Не отрицая вклада Герцена, Лаврова и Михайловского в разработку «личностной» темы, следует все же отметить, что этим вкладом русская мысль, в том числе актуальная для мышления Булгакова, не исчерпывается.

Выходит за рамки – потому что описание традиции богословского персонализма мне представляется совершенно излишним: эта традиция не была актуальной в контекстом становления мысли Булгакова, наоборот, его мышление было существенным фактором ее становления. Булгаков никак не ориентировался на Лосского и комп., разве что в конце жизни и полемически. Что же они дают д

понимания его *ранних* идей? А если ничего, то какова функция обозрения их взгляд
К этому вопросу я еще вернусь ниже.

Второе недоумение связано с авторской интерпретацией булгаковского марксизма. Автор пишет: ««Детерминизм» Булгакова, скорее, не результат принятия марксизма. Наоборот, **его марксизм, возможно, оказался результатом определенного «объективизма», исходящего из обостренного нравственного чувства**». (стр. 37, выделено автором). Это кажется непонятным, тем более, что ту «этическую» мотивацию стремления к объективности и детерминизму автор приписывает и Г.В. Плеханову. На первый взгляд, детерминизм и объективизм, наоборот, неморальны. Именно на этом строилась марксистская полемика про «субъективного метода» народнической социологии Михайловского и Кареева, присваивавших «личности» право суда над историей. Марксизм же в этой дискуссии определял себя как чисто научное, и, соотв. неморальное учение об обществе и устройстве. Этический пафос, воспринятый «идеалистами» от Достоевского и Кафки, напротив, способствовал разрушению этого объективизма. Если же автор имел в виду какой-то более сложный и тонкий ход мысли – ему следовало прописать его более ясно и отчетливо.

Третье недоумение касается соотношения светских и христианских элементов в идеях Булгакова. Мне кажется, что автор зачастую мыслит их соотношение слишком «бинарно». Напр.: «Современная демократия учит, что каждый индивидуум является уникальным, т.е. незаменимым целым, представляющим безусловную нравственную ценность и, следовательно, любая личность не должна быть подвергнута насильственному разложению или уничтожению как и духовно, так и физически. В мировоззрении Булгакова подобное *вполне светское* понимание безусловной ценности индивидуума составляет неотъемлемую часть его понимания личности» (стр. 19, курсив мой – К.А.). В дальнейшем еще раз представление об абсолютной ценности уникальности человеческой личности называется «достаточно секуляризованным», из чего делается строгий вывод: «Булгаковское понятие о личности во многом сформировалась из довольно чуждых для чисто догматического православного понимания элементов» (стр. 214) – к обсуждению уместности которого я еще вернусь.

Не говоря о том, что «учит», конечно, не «современная демократия», а политические мыслители – либералы, и не только – Нового времени, след

отметить, что представление об уникальности, незаменимости, безусловной ценности каждой человеческой личности легко обнаруживается и в Священном Писании, и у отцов Церкви и в политическую философию Нового времени они пришли именно оттуда. В этом смысле сама идея разделения в мышлении автора такого уровня как Булгаков строго «церковных» и исключительно «светских» элементов наталкивается на целый ряд препятствий методологического плана. Очевидно ведь, что 1) сам Булгаков довольно строго относился к нововременной мысли и включал в свой синтез только те ее элементы, которые, с его точки зрения, могли выдержать проверку на совместимость с христианским мировидением, и 2) для того, чтобы оспорить правомочность таких включений, автор должен претендовать на обладание некоторым абсолютным критерием «церковности».

Четвертое. В своем стремлении покритиковать Булгакова автор иногда теряет осмотрительность и допускает фактические ошибки. Прежде всего, это касается интерпретации большой цитаты из Фихте, приводимой Булгаковым в статье «Основные проблемы теории прогресса» (стр. 91). Автор, по-видимому, пытается показать неадекватность булгаковской критики Фихте исходя из предположения, что русский мыслитель рассматривает немецкого как представителя человекобожеского имперсонализма. Однако, это не так. объектом критики Булгакова в этом месте выступает французский философ Гюйо, а позиция Фихте наоборот, противопоставляется представлению Гюйо о конечном исчезновении человеческой личности после смерти, противопоставляется в качестве позитивного примера нравственного обоснования бессмертия. Иными словами в этом месте Фихте для него – этический персоналист, утверждающий вечность нравственных задач конкретной человеческой личности и, вследствие этого – ее собственную вечность.

Пятое. В целом, именно с непродуманностью отношений между философскими и богословскими элементами в мышлении Булгакова и в своем собственном мышлении, связан один из наиболее существенных недостатков диссертации.

В одних случаях автор рассматривает Булгакова как предшественника богословского персонализма, с его проблематикой соотношения личности и природы, в то время как в других идеи богословов-персоналистов предстают как своего рода «камертон», следуя которому автор измеряет богословскую адекватность идей своего героя. Если первый вариант обращения к богословским идеям представляется вполне

оправданным и продуктивным, то второй – методологически очень проблематичным. Утверждать, что русские богословы-персоналисты, типа В.Н. Лосского или о. Флоровского и их современные последователи «ни в кое случае не стремятся к созданию какой-либо оригинальной «собственной» теории личности и стараются представить основанные на вере, церковном опыте и учениях отцов церкви размышления о личностном характере человека» (стр. 27) – значит проявлять очень большую степень наивности и без достаточных оснований принимать на веру декларации самих этих авторов. Возвращаясь к вопросу об истоках идеи личности в православном богословии, следует отметить, что не только у Булгакова, но и у В.Н. Лосского и других православных персоналистов XX века эти истоки имеют главным образом нововременное секулярное происхождение, в чем, с другой стороны, совершенно необязательно видеть какой-то недостаток этих концепций. Тем более странно пытаться идеи авторов, живших позже Булгакова и в целом неблагоприятно к нему относившихся (особенно это касается Лосского) рассматривать в качестве объективного мерила для оценки «православности» его идей (как это автор делает на с. 207 в связи с проблемой грехопадения и на с. 250 в связи с проблемой «самости»). Непонятно также зачем вообще искать такое мерило в историко-философской (а не историко-богословской!) работе, зачем нужно использовать догматику в качестве критерия адекватности *философских* идей?

Задача как-то соотнести имплицитную и эксплицитную теологию, заложенную Булгаковым в «Философию хозяйства» с современной ему (и актуальной для него) предшествующей богословской мыслью, в особенности в отношении учения о личности, – кажется интересной и вполне могла бы считаться значимой и для историко-философского анализа, но причем тут В. Лосский и тем более современные богословы-персоналисты? Сам автор, подробно раскрывая сложную антропологию «Философии хозяйства», убедительно демонстрирует ее собственную философскую ценность (и в этом – повторюсь – реальное и значительное историко-философское достижение диссертации), которую нет нужды обесценивать апелляциями к позднейшей догматике.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Хироюки Хориэ заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и религиоведения
богословского факультета

ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет»

АНТОНОВ Константин Михайлович

23.09.2024

Контактные данные:

тел.: +7(495)536-9313, e-mail: dphrel@pstgu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б,
ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет»

Тел.: (495)1145069; e-mail: bf@pstgu.ru

